

Толстой Алексей Николаевич

Смерть Дантона: Трагедия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Николаевич Т.**
Смерть Дантона: Трагедия / Толстой Алексей Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 78 с.

ISBN 978-5-519-77070-5

ISBN 978-5-519-77070-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Д а н т о н. Вождь монтаньяров, министр юстиции, член Комитета Общественного Спасения, вдохновитель обороны Франции, организатор террора. Сентябрьская резня, происшедшая при его участии, была постоянной кровоточивой раной республики, началом режима казней. Великие деятели революции, великие идеи захлебнулись в этой крови. Действие трагедии застает Дантона отошедшим от дела.

Он недавно женился на шестнадцатилетней Луизе Жели, обвенчавшись с нею у не присягнувшего священника, подлежащего по изданному им же декрету смертной казни. Он живет с молодой женой в Севре.

Р о б е с п ь е р. Член Комитета Общественного Спасения, вождь якобинцев. Пламенно-ледяной, теоретически-мыслящий человек с непреклонной волей и незапятнанной нравственностью, умен, расчетлив и беспощаден. Франция обязана ему обузданием анархии. Его идеи справедливости, сурового счастья и добродетели лежали почти на метафизических высотах революции.

К а м и л л Д е м у л е н. Член Конвента, пылкий патриот, журналист, мечтатель.

С е н Ж ю с т. Ученик Робеспьера, философически настроенный, мечтательный юноша. Красив, женоподобен и жесток. Комиссар армии и Член Комитета Общественного Спасения.
К о л л о Д е р б у а. Член Комитета Общественного Спасения. Бывший актер. Жесток, развращен.
Ф у к з е Т е н н в и л ь. Публичный обвинитель, назначенный на это место настоянием Камилла Демулена. Стар, умен, циничен, безобразен.
Г е р м а н. Председатель Революционного Трибунала, основанного Дантоном во время его борьбы с жирондистами.
Г е р о д е С с ш е л ь | Члены Конвента,
Ф и л и п п о | друзья Дантона.
Л а к р у а |
Л е ж а н д р. Якобинец.
С и м о н. Ремесленник. Пожилой человек. В вязаном колпаке, в широких рваных штанах. Лицо — багровое от чрезмерного употребления красного вина. Патриот.
Л у н з а. Жена Дантона.
Л ю с и. Жена Камилла Демулена.
А н н а. Жена Симона.
М а р и. Бывшая аристократка, содержательница тайного игорного салона.
Р о з а л и я. Кружевница.
Ж а н н а. Модистка.
Ж е н щ и н а в ч е р н о й ш а л и.
Х р о м а я д е в у ш к а.
Т о л с т а я, н а к р а ш е н н а я ж е н щ и н а.
Н и н о н.
Т о р г о в к а.
В я з а л ь щ и ц а Р о б е с п ь е р а.

Л и о н с ц .

Г ра ж да н и н в к р а с н о м к о л п а к е .

Г ра ж да н и н в ч е р н о й ш а п о ч к е .

Г ра ж да н и н с к н и ж к о й .

Г ра ж да н и н в н и т я н о м п а р и к е .

С т о р о ж в т р и б у н а л е .

С т о р о ж в т ю р ь м е .

М о л о д о й ч е л о в е к с о с т р ы м н о -
с и к о м .

Г ра ж да н е , с о л д а т ы , п а л а ч и н д р .

Действие происходит в Париже, летом 1794
года.

КАРТИНА I.

Комната Мари. Огромные, парчевые, рваные портьеры. Кусок облупленной стены. Золотая мебель. Зажженные свечи в канделябрах. За карточным столом — Геро до Сешель, Мари, Камилл Демулен. В стороне Луиза и Люси. В окне, невидимый за портьерой, стоит Дантон.

Луиза. Я боюсь Парижа. Здесь так тесно, так шумно. У меня болит сердце, когда мы сюда приезжаем.

Люси. В Севре хорошо?

Луиза. Да, у нас хорошо. У нас маленький сад и маленький огород. Муж подарил мне четыре курочки и петушка. Я не покупаю ни салата, ни редиски, ни бобов, у нас все свое. Мы часто гуляем в парке. (Оглянувшись, шопотом.) У нас говорят, — многие ночью в парке слышали конский топот и звук рогов, — видели призрак короля.

Люси. Тише.

Геро. (Хлопает картами.) Мой язык до такой степени истрепан, что не состояний произносить любовных слов. Я хочу сказать «люблю», а он говорит «смерть». Проклятый язык, — вчера встретил премиленную девочку и, хоть тресни, упрямо ее звал «вдовой».

Мари. Так что-же девочка?

Г е р о. А ей было все равно.

К а м и л л. Кто назвал гильотину вдовой?

Г е р о. Уличные мальчишки.

К а м и л л. Люси, ты почему притихла, тебе скучно?

Л ю с и. Нет, мой милый.

Г е р о. Вот одно из завоеваний революции.

Мы разучились скучать... Да, у нас не скучают в Париже.

М а р и. Бью вашего короля.

К а м и л л. Люси, спой еще раз.

Л ю с и. Ты будешь слушать?

К а м и л л. Я готов слушать тебя днем, ночью, всегда, моя маленькая сирена. (Встает и приносит ей арфу.) Когда ты поешь, я начинаю верить, что скоро, скоро запоет вся земля, все освобожденное, ликующее человечество. Я верю.

Л ю с и. Хорошо. (Настраивает арфу.)

Г е р о. Камилл все еще говорит о музыке и о человечестве, потому что он журналист. Я презираю людей. Человечество — стадо. Оно умеет только выть и рычать, когда его погладишь против шерсти. Мари, хотите поставить на карту сегодняшнюю ночь?

М а р и. (Смеется.) Ставлю мою ночь на даму пик.

К а м и л л. (Геро.) А чем же ты отвечаешь?

Г е р о. Чем она хочет. Ста тысячью франками или моей головой, плевать. Мари, ваша дама бита.

М а р и. Не разорюсь от проигрыша.

(Люси начинает петь. Все слушают. Камилл стоит, положив руку на камин, запустив пальцы в волосы. Входит Филиппо).

Ф и л и п п о. Добрый вечер.

Г е р о. А, Филиппо! Садись, у тебя есть деньги?

Ф и л и п п о. (Оглядывает комнату.) Вы здесь посте, веселитесь.

К а м и л л. Что случилось? Дурные вести из за границы?

Ф и л и п п о. Нет, нет, все благополучно.

Г е р о. Очевидно, опять нос к носу столкнулся с Робеспьером и сразу почувствовал несваренные желудки.

Ф и л и п п о. Сегодня опять упало 20 голов.

Г е р о. Дождик помешал тебе смотреть, как они падали?

Ф и л и п п о. Ист, довольно, вы понимаете — довольно!

Л ю с и. Кого казнили сегодня?

К а м и л л. Гебертистов.

Ф и л и п п о. Их послали на гильотину только потому, что они были атеистами.

Г е р о. Ого!

Ф и л и п п о. Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон становятся слишком щепетильными.

Г е р о. Они просто чистят кухню. За революцию накопилось слишком много мусора. Робеспьер с кухонным ножом, Сен-Жюст со щеткой, Кутон с ведром кипятка. Франция заблестит, как медная кастрюля.

К а м и л л. Да, да, или как топор гильотины.

Ф и л и п п о. Сегодня я понял, что опасность грозит нам. Она гораздо ближе, чем мы думаем.

К а м и л л. (Ударяет кулаком по каминной полке.) Но доколе же барахтаться в крови? Робеспьер играет в кегли отрублен-

ными головами. Нужно осуществить республику. Как воздух необходим закон о всеобщем помиловании. Права человека заперты под ключом у Робеспьера.

Г е р о. Э, старина, каждый должен жить так, как он хочет, — это прежде всего. Будь сейчас сила на моей стороне, я бы прежде всего устроил себе бильбоке из головы Робеспьера.

К а м и л л. Я протестую. Я требую красоты прежде всего. Государственное устройство должно быть удобной и прекрасной одеждой. Ничто не должно стеснять свободы движений. Каждое желание, движение мускулов, трепет жизни должны немедленно и свободно осуществляться. А на нас наплевывают закорузлую от крови, сумасшедшую рубашку. Я протестую! Я хочу роз на наших кудрях, пенящихся бокалов, олимпийских игр, вакхической радости. Франция прекрасна. Я хочу видеть ее сияющей как античное божество (поворачивается к окну). Дантон, ты должен поднять бурю в конвенте.

Ф и л и п п о. Он здесь?

Г е р о. Дантон, попробуй еще раз взгромоздить на себя Францию, отнеси ее куда-нибудь подальше от мусорной ямы.

К а м и л л. Ты должен снова начать борьбу. Народ на твоей стороне. Если будешь медлить, мы погибли.

Д а н т о н. (Выходит из глубины окна.) Что я должен? Дантон, ты должен. Дантон, иди рычать в конвент. Дантон, подпирай плечом телегу Франции. Что я еще должен сделать? Рычать как десять тысяч львов?

Ах, напиши я еще тысячу декретов, отруби еще сто тысяч голов, — солнце, когда ему нужно, взойдет на востоке и закатится на западе. (Садится около Луизы.) У тебя дрожат губки. Да, да, дитя мое. Хотя я и подарил тебе четырех цыплят и петуха, все-же я, — Дантон, пожиратель человеческого мяса, чудовище, которым пугают детей. И вот они зовут меня: Дантон, ты слишком замечтался на груди маленькой женщины — иди и потрясай Францию. (Встает.) Все это только слова, — все о чем мы тут болтаем, таращим глаза и размахиваем руками, — у революции свои законы. Когда пужно, она выбрасывает нас на гребень волны, а потом снова — вниз головой в омут. (Наклоняется и целует ее.) Вот в этих глазах закон иной.

Луиза. Уедем.

Дантон. (Рассеянно.) Да, да, мы поедем домой.

Камилл. Остановиться на пол пути — малодушие. Не нужно было начинать борьбу.

Дантон. Бороться? Я устал. Я дал слово этому ребенку стать добрым буржуа. Я устал, вы понимаете это слово? В этом мое преступление. Робеспьер еще борется, еще барахтается в грязи и крови, потому что верит в силу идей и слов. А впрочем, и он не верит. Врет.

Филиппо. (Подходит близко к Дантону, говорит так, чтобы другие не слышали.) Я пришел тебя предупредить, тебя ищут. Я видел трех сыщиков, — один стоит на углу, другой перед окнами, третий висит на решетке. Тебе нужно бежать.

Дантон. (Громко.) Мне нужно бежать? Куда? За границу? Что же ты думаешь, я могу унести родину на подошвах башмаков?

Луиза. Вот так всегда он отвечает, когда друзья его предупреждают об опасности. Не нужно было приезжать в Париж. (Закрывает лицо платком.)

Люси. Разве опасность так велика?

Филиппо. Да, велика.

Геро. У меня третий день болит шея от этих разговоров.

Камилл. В Шарантоне на обеде у Паниса мы устроили встречу его с Робеспьером. Хотели их помирить.

Дантон. (Хохочет.) Я дал ему понюхать вот эту ладонь: что, Робеспьер, пахнет? Чем пахнет? Кровью? А ведь я только что надушил ее духами Луизы (хохочет). У него еще длиннее вытянулся нос. Он понюхал, ха-ха, понюхал!

Камилл. Робеспьер сказал: «Хорошими гражданами не могут считаться те, кто пытается разоружить республику в разгар борьбы, и те, кто хочет быть снисходительным и милосердным, когда только железная диктатура может спасти Францию».

Люси. Это правда, Дантон?

Дантон. Они не посмеют тронуть меня. Мой час еще не настал. О, черт, у меня болит голова, мне надоела политика, неужели нет места на земле, где можно было бы забыть на минутку самого себя.

(За окнами слышен нарастающий шум голосов, крики.)

Луиза. (Вскакивает.) Боже мой!
(Все прислушиваются. Филиппо подходит и тушит канделябр. Остается одна свеча.)
Дантон. Что это? Вы слышите?
Камилл. Уличная драка.
Луиза. Не уходи.
Дантон. Камилл, ты помнишь эти крики? Эти страшные крики, эти звериные вопли, эту кровь, факелы, пронзительные вопли с той стороны Сены? Ты их забыл? забыл!
(Быстро идет к двери, за ним Филиппо.)
Луиза. Ты уходишь?
Дантон. Будь здесь, жди, я вернусь.

З а н а в е с.